

ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обзоріе
свѣщенной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 5

Пятница, 1 (14) февраля 1902 г.

№ 5

Юмористическія стороны парламентской жизни во Франціи и Германіи.

I. Баллестремъ и Дешанель.

Наши политиканы, изучающіе отчеты западныхъ парламентовъ отъ доски до доски и строящіе самые глубокомысленные планы на основаніи той или иной телеграммы, политиканы, которые принимаютъ интересы Венецуэлы или запросъ Жореса гораздо ближе къ сердцу, нежели

Принцъ Петръ Карагеоргиевичъ,
претендентъ на сербскій престолъ.

свои насущныя нужды, — будутъ очень изумлены, узнавъ, что жизнь парламентовъ имѣетъ не однѣ серьезныя черты; иногда, подъ увеличительнымъ стекломъ юмориста, она обнаруживаетъ и много забавнаго. Въ этомъ, именно, отношеніи К. Ламъ нарисовалъ яркую картину въ одномъ изъ своихъ блестящихъ фельетоновъ, ограничившись, впрочемъ, характеристикой четырехъ дѣятелей

Императрица Евгенія, вдова Наполеона III.

Съ послѣдней фотографіи.

французскаго и нѣмецкаго парламента—его верховныхъ руководителей.

Германскій рейхстагъ и французская палата отличаются другъ отъ друга такъ же, какъ ученая аудиторія разнится отъ опереточнаго театра. Одна внѣшность главнаго зала въ рейхстагѣ внушаетъ мысль о порядкѣ, простотѣ и учености. Среди гладкой деревянной политики кресла президента и ораторской трибуны, отдѣланныхъ кожей, показались бы страннымъ и неумѣстнымъ горячая рѣчь, сопровождаемая жестами, восклицаніями, гуломъ одобренія или порицанія. Тутъ возможенъ лишь сдержанный ораторъ въ

Бурскій генераль Бенъ-Вклоенъ,
выданный шпіонами и взятый англичанами въ плѣнъ.

застегнутомъ наглухо сюртукѣ, поучительный тонъ и сѣдовласая голова. Рѣчь его не должна слишкомъ беспокоить гг. министровъ и нарушать ихъ покой, иногда похожий на дремоту.

Тотъ, кто подымается на трибуну во французскомъ парламентѣ, видитъ передъ собой цѣлый партеръ, отливающий краснымъ бархатомъ, и дальше два ряда

Наружный видъ зданія.

Народный домъ для народныхъ чтеній и представлений въ г. Калязинѣ, Тверской губ. (См. стр. 38).

Ст. фотографіи корреспондента, авторіи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Заль для народныхъ чтеній и представлений.

амфитеатра, заполненного нарядной публикой. Здѣсь педагогу въ длинномъ сюртукѣ не мѣсто, а поучительному, резонерскому тону и подавно. Едва раздается такая рѣчь, по палатѣ какъ будто проносится огромный зѣвокъ, и депутаты цѣлыми группами покидаютъ залъ, чтобы отдохнуть въ буфетѣ или въ отдѣленіи душей (удобство, въ которомъ давно ощущалась настоятельная потребность), и ждутъ тамъ, пока электрический звонокъ не возвѣститъ окончанія „макроковной“ рѣчи. Когда же съ трибуны повѣсть грозой и на нее взлетаетъ съ начатой уже пылкой фразой словесный боецъ, и приставъ въ залѣ воинственно оправляютъ свои серебряные кортики, — ораторъ проглатываетъ два стакана воды залпомъ и кидаетъ зажигательные взгляды направо и налево, открывая ротъ такъ, что уже безъ словъ слышна атака, — о! тогда кресла мгновенно наполняются депутатами, въ амфитеатрѣ сверкаютъ дамскіе туалеты, президентъ встаетъ позади оратора, какъ бы защищая его отъ встрѣчныхъ громовъ, и со всѣхъ сторонъ сыплются шутки, клики, призывы къ порядку — первый вихрь вѣтра передъ грозой, первый аккордъ словеснаго урагана.

Графъ Баллестремъ обладаетъ жезломъ волшебника. Онъ такъ снисходительно улыбається, его манеры такъ аристократичны, что даже самъ Бебель старается смягчить свою рѣчь, чтобы не выходить изъ традиціонной колеи рейхстага. Но если, однако, кто-нибудь изъ слушателей не вытерпитъ и издастъ восклицаніе (не громко, конечно, а приблизительно такъ, какъ ученикъ, сидящій на задней партѣ, подымая палецъ, говоритъ: „позвольте мнѣ...“), тогда на устахъ Баллестрема появляется обычная усмѣшка, и онъ протягиваетъ свою выхоленную руку къ колокольчику — по всему залу проносится дыханіе полюсовъ! Ахъ, давно, давно не звонилъ этотъ „потонувшій колокольчикъ!“ Движеніе графа подобно отеческому внушенію, и неосторожный депутатъ готовъ провалиться сквозь землю отъ стыда.

Быстрый въ движеніяхъ Дешанель нервно хватается за звонокъ... и палата, по этому сигналу, шумитъ еще громче. Черезъ шесть, семь рядовъ креселъ депутаты переключаются между собою, назначая rendez-vous въ клубъ или театрѣ. Понятно, чѣмъ энергичнѣе Дешанель, тѣмъ больше должны напрягаться легкія гг. депутатовъ. Такъ длится пять-десять минутъ, пока крикуны не утомятся. Послѣ грозы — наступаетъ затишье. Стоитъ кому-либо снова повысить голосъ — а оно такъ всегда и бываетъ, — Дешанель издастъ свое знаменитое: *пест!* Долголѣтняя практика научила президента палаты примѣнять этотъ уже историческій звукъ съ такимъ виртуознымъ мастерствомъ, что порою его „пест!“ можетъ позавидовать локомотивъ въ двадцать лошадиныхъ силъ. Наконецъ, среди доспѣховъ Дешанеля имѣется еще линейка, которая подкрѣпляетъ „пест!“ оглушительнымъ боемъ.

Когда ораторъ рейхстага позволить себѣ нѣсколько недержанную фразу, председатель съ дружеской укоризной киваетъ ему головой. Его порицаніе можно считать за похвалу, хотя берлинскіе министры очень чувствительны къ шпилькамъ. Но такіе инциденты очень рѣдки, и графу Баллестрему ничто не мѣшаетъ, скрестивъ руки на животѣ, безмятежно отдаваться пріятностямъ правильного постбобѣденнаго пищеваренія. Слѣва отъ председателя въ тѣсной загородкѣ сидятъ репортеры и фабрикуютъ свои стенограммы. Скука царитъ неограниченно.

Въ Парижѣ журналистамъ отведены три обширныя трибуны. Онѣ всегда полны народу; слышится толкъ обо всемъ, исключая парламентскихъ дѣлъ. Внизу правительственные секретари состави-

ють шаблонные „comptes rendus“; изъ нихъ-то журналисты и почерпаютъ свою мудрость. Когда на ораторской каѳедрѣ является застрѣльщикъ или боецъ, среди представителей печати разыгрывается такая же буря, какъ и среди депутатовъ: поспѣшно воротившись изъ буфета, они аплодируютъ, дебатируютъ, суфлируютъ, бранятся и свистятъ... Изъ редакторской ложи вытягивается характерная голова памфлетиста; подобно коршуну, онъ неподвижно всматривается въ своихъ жертвъ... Это Анри Рошфоръ. Онъ обмѣнивается кивкомъ съ Дешанелемъ. Президентъ палаты — другъ печати; ея темпераментъ его нисколько не смущаетъ; только изрѣдка, жестами, онъ приглашаетъ журналистовъ къ спокойствію.

Баллестремъ и Дешанель — совершенства, но каждое въ своемъ родѣ. Первому не приходится бороться съ грозными валами парламентскаго моря; когда неизбежны схватки, съ министрами или депутатами, онъ покоряется не безъ юмора необходимости. По своимъ убѣжденіямъ, онъ принадлежитъ къ умѣреннымъ, и въ немъ отражаются, какъ рефлексы, всѣ партій — немного консерватизма, чуть-чуть аграрства, кое-что — центра, рядомъ съ либерализмомъ — зернышко свободомыслія; какъ президентъ — онъ очаровательный коллективистъ. Ко всѣмъ онъ приверженъ, и отъ всѣхъ независимъ; его будущее — стало уже его прошлымъ.

Дешанель — президентство. Онъ самый значительный и самый терпѣливый кандидатъ. Руководить 581 депутатомъ — честь, а не удовольствіе; руководить 38 миллионами — честь и удовольствіе. Дешанель зависитъ отъ всѣхъ партій, потому что всѣ онѣ будутъ участвовать въ выборахъ президента; онѣ соберутся въ „версальскомъ театрѣ“, когда Лубе сложитъ съ себя обязанности главы. Тамъ Дешанель будетъ воссѣдать на возвышеніи и пересчитывать сенаторовъ и депутатовъ, не измѣнившихъ въ рѣшительный часъ. Все искусство Дешанеля въ томъ и состоитъ, чтобы, не принадлежа ни къ одной партіи, водворять порядокъ среди республиканцевъ, націоналистовъ и социалистовъ при помощи звонка, „пест“, линейки и даже протокола (*prozès verbal*). Но внѣ палаты, въ салонахъ и на официальныхъ праздникахъ онъ свободно переходитъ отъ крайней лѣвой къ правой и вербуетъ возможно большее число друзей. Дешанель — дипломатъ *infolio*, и въ салонахъ Парижа — самая крупная фигура. Пока что, онъ законодательствуетъ въ области мужской моды — но только пока.

Графъ Баллестремъ входитъ просто и опускается въ свое кресло, пожавъ руки двумъ тремъ ближайшимъ сосѣдямъ. Засѣданіе открыто.

Дешанель является подъ бубны и литавры. Солдаты съ примкнутыми штыками стоятъ живой стѣной вдоль его пути, вплоть до трибуны. Президентъ палаты — во фракѣ и лакированныхъ ботинкахъ и съ блестящимъ цилиндромъ въ рукахъ; за нимъ слѣдуютъ вице-президентъ и бюро. Справа отъ Дешанеля — полковникъ, слѣва — капитанъ съ саблями наголо. Всѣ снимаютъ шляпы; причутъ сигары за спиной. Громъ барабановъ. Приставъ съ серебряной цѣпью, во фракѣ, подымается торжественно по ступенямъ председательской трибуны и еще торжественнѣе провозглашаетъ:

— Monsieur le Président de la Chambre!

Всѣ встаютъ. Дешанель — одной ногой уже въ Елисейскомъ дворцѣ.

II. Бюловъ и Вальдекъ-Руссо.

Въ германскомъ рейхстагѣ министры сидятъ въ отличныхъ кожаныхъ креслахъ по обѣимъ сторонамъ президента. Тутъ же историческое кресло канцлера. Такимъ образомъ, министры, какъ на вы-

ставкѣ, и это не особенно пріятно имъ: ихъ думы можно до известной степени угадать. Когда заявленъ запросъ къ министру, и попадаетъ онъ не въ бровь, а въ глазъ, тогда не всякій сумѣетъ сохранить настолько самообладанія, чтобы не выдать волнующихъ его чувствъ. Не всякій, — и потому въ прусскомъ кабинетѣ слишкомъ много честныхъ солдатъ.

Въ Парижѣ министры занимаютъ такіе же мѣста, какъ и депутаты, но только на самой нижней скамьѣ, рядомъ, одинъ около другого. Здѣсь они въ открытомъ полѣ; ихъ ничто не охранитъ отъ рукопашной, если она завяжется въ пылу дебатовъ. Единственнѣе оружіе — толстые портфели. Зато ихъ трудно наблюдать; прикрывшись бумагами, они безопасно могутъ выражать радость или неудовольствіе, стыдъ или страхъ.

Глава берлинскаго кабинета знаетъ прекрасно свое дѣло. Еще при старикѣ Каприви, часто блиставшемъ своимъ отсутствіемъ, онъ умѣло отражалъ удары аграріевъ; когда князь былъ въ рейхстагѣ, Бюловъ напечтывалъ ему реплики, которыя тотъ немилосердно путалъ. Со стороны казалось, что Бюловъ осведомляется о здоровьи маститаго канцлера. Отъ этихъ дней нынѣшній министръ-президентъ сохранилъ привычку обращаться къ рейхстагу только одно ухо, хотя ему было бы достаточно и половинки уха: онъ не слишкомъ вникаетъ въ детали, отвѣчаетъ „оптомъ“, съ цитатами изъ классиковъ. При всемъ томъ, онъ хорошо слышитъ, что ему говорятъ министры справа, и то, что произноситъ ораторъ. Иногда онъ беретъ чистый листъ бумаги, и по вдохновенному его виду можно ожидать скорѣе соннета, нежели дѣловой пометки. Онъ не дергаетъ нервно усомъ, какъ принято при прусскомъ дворѣ, а гладитъ ихъ плавно, щуря глаза. Прическу носитъ съ красивымъ пробормомъ посерединѣ. Со временемъ это будетъ не легко.

Вальдекъ-Руссо часто засовываетъ руки въ карманы, а потому на невыразимыхъ у него всегда бугры и складки. Неизмѣнно въ жезломъ или бѣломъ жилетѣ. Они ему не идутъ. Вальдекъ всегда погруженъ въ молчаніе. Подобно вопрошающему знаку, онъ склоняется надъ попитромъ, приставляетъ правую руку къ уху, для ясности слуха, и съ окаменѣлымъ лицомъ внимаетъ брани и похваламъ. Видѣлъ-ли кто, какъ онъ смѣется? Или плачетъ? Какъ сердится или трепещетъ? Даже депутаты Ласи своими солдатскими выходками противъ министерства и маханіемъ кулаковъ чуть-ли у носа министра-президента, не можетъ поколебать эту мормонскую неподвижность. Но въ душѣ онъ переживаетъ многое, и его рѣчи, какъ ни безстрастны онѣ, содержатъ въ себѣ много огня, ума, опыта и риторическаго искусства... если читать ихъ въ стенографическомъ отчетѣ. Когда же онъ произносится, правая только изъ принципа протестуетъ, а на самомъ дѣлѣ рѣчь Вальдека такъ глубока и юридически сложна, что немногое въ ней понятно депутатамъ; ея смыслъ они постигаютъ позже — при чтеніи.

Сравнительно съ Вальдекъ-Руссо, остальные министры проигрываютъ. Ни одной холеной бороды, какъ у Тирпица или Посадовскаго въ Берлинѣ, ни одного красиваго мужчины.

Делькассе — малый ростомъ и болѣзненнымъ, двойной и даже тройной дипломатъ: онъ умѣетъ выходить сухимъ изъ воды, со всѣми въ наилучшихъ отношеніяхъ, никогда не позволять себѣ открытой выходки противъ Чемберлена. Если палата имѣетъ десять министровъ-президентовъ, то министръ иностранныхъ дѣлъ у нея только одинъ. Монсь, министръ юстиціи, не слишкомъ симпатиченъ, въ его рѣчахъ есть нѣчто іезуитское, несмотря

на то, что онъ слыветъ масономъ. Напротивъ, Кальо прямодушенъ и рѣзокъ до грубости; онъ мечетъ вокругъ себя дефицитами, а для палаты это—ледяное дыханіе альпійскихъ вершинъ. Въ головѣ у него столько цифръ, сколько волосъ не достаетъ на головѣ. Андре, военный министръ, фигура интересная; чуждъ претензій, энергиченъ; отличная „матерія“ для политическихъ каррикатуръ. Ничего схожаго съ нѣмецкими генералами. Едва ли другой имѣлъ столько противниковъ, какъ Андре; но онъ твердъ на своемъ посту и даетъ отпоръ. Ораторъ плохой, хотя и любитъ много и часто говорить.

Единственный изъ министровъ, не одаренный достаточнымъ самообладаніемъ—соціалистъ Мильеранъ. Онъ порывистъ, впечатлительнъ, быстръ, въ немъ кипитъ страсть къ агитаторству. Въ немъ двѣ души, непримиримыя между собою. Въ министерскомъ дворцѣ онъ чувствуетъ себя превосходно, но въ палатѣ забываетъ подчасъ о своемъ положеніи, и когда Мелинъ—это померкнувшее свѣтило, нападаетъ на него въ своихъ приторныхъ, но язвительныхъ рѣчахъ, онъ не въ силахъ сдержать рѣзкаго протеста, остроумнаго, но не умнаго.

Мелинъ, пробывшій во главѣ министерства долги, по понятіямъ французъ, срокъ, играетъ ту же роль въ палатѣ, что д-ръ Либеръ въ берлинскомъ рейхстагѣ. Тихія воды, но глубокія. Вальдекъ отнялъ у Мелина не мало его прежняго авторитета, и нажилъ въ немъ непримиримаго врага, вмѣсто бывшего союзника. Рибо-еще дальше ушелъ отъ раппы, чѣмъ Мелинъ; левъ состарился, и пересталъ внушать страхъ. Пиру, весьма умѣренный либераль, —никогда не находить остраго слова противъ правительства. Въ Берлинѣ ему соответствуетъ отчасти Заттлеръ. Зато рейхстагъ не имѣетъ такого оратора, какъ графъ де-Мунъ, „ватиканскій посолъ“. Онъ любитъ цитаты изъ классиковъ, какъ и Гюловъ, и Бисмаркъ словечки, говорить жестикулируя, съ опытною хорошаго актера. Онъ владѣетъ словомъ, и его охотно слушаютъ. На правой отличается еще редакторъ „Autorité“ Кассаньякъ, косноязычный и длиннорукий, Шарль Бернаръ и Бодри д'Ассоръ,—послѣдній по наружности—совершенный буръ, съ мужицкими манерами, неотъемлемая достопримѣчательность палаты. О, въ Берлинѣ далеко не такъ много веселыхъ личностей! На лѣвой—многообещающій Трульо, который говоритъ съ такой быстротой, что заставляетъ депутатовъ кричать: „медленнѣе!“

Въ общемъ, по мнѣнію Лама, было бы нежелательно, чтобы германскій рейхстагъ принялъ за образецъ оживленности французской палаты. Но все дурное имѣетъ и свои хорошія стороны—этотъ шумъ привлекаетъ самъ по себѣ депутатовъ, тогда какъ монотонная скука, царящая въ рейхстагѣ, заставляетъ представителей германскаго народа по возможности избѣгать залъ парламентскихъ засѣданій.

Вожди буровъ.

Въ овъ избранный въ Галмѣ ирландскій депутатъ Артуръ Ленчъ,—тотъ самый, что не смѣетъ ступить на англійскую территорию изъ страха быть арестованнымъ, какъ измѣнникъ, и судимымъ за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ буровъ противъ англичанъ,—подробно рисуетъ на страницахъ „Revue Bleue“ портреты бурскихъ вождей, по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ.

Луи Бота.

Мужчина шести футовъ росту, широкоплечъ и силенъ, желѣзные мускулы. Все

его существо дышетъ здоровьемъ и бодростью. Первое впечатлѣніе далеко не отталкивающее: напротивъ, выраженіе лица кроткое, а въ голубыхъ глазахъ столько доброты, что съ перваго разу чувствуешь довѣрчивое влеченіе къ нему. Когда Ленчъ впервые встрѣтилъ Боту, тотъ былъ окруженъ офицерами, которые его поздравляли съ побѣдой подъ Спюнскопомъ. Генераль усмѣхнулся на похвалы, но глаза его блистали отъ радости... Спокойствіе, простота и необычайная энергія счастливо соединились въ Ботѣ. Онъ никогда не теряетъ ни хорошаго настроенія, ни самообладанія. Его нужно признать превосходнымъ стратегомъ, способнымъ создать сложный планъ кампаніи и обработать его до мельчайшихъ деталей. Въ мирное время это также недоожиданный человѣкъ; душевные свойства, умъ и врожденный тактъ создали ему заслуженную репутацію ловкаго дипломата.

Младшій братъ Христіанъ Бота.

Наружностью и характеромъ походить на старшаго: это тоже великанъ, но не блондинъ, а брюнетъ; черты лица проникнуты мягкостью. Пушечный громъ заставляетъ его перерождаться: въ немъ просыпается вся энергія, и онъ умѣетъ возбуждать ее и въ солдатахъ. Ленчъ видѣлъ однажды, какъ Христіанъ Бота отступалъ: медленно, рыча, время отъ времени оборачиваясь къ преслѣдователямъ и производя въ ихъ рядахъ опустошенія.

Деветь.

До войны былъ мирнымъ коммерсантомъ, но событія выдвинули его на первый планъ. Ему подъ пятьдесятъ; жилистъ, сухъ, крѣпокъ, какъ дубъ. Въ глубокихъ блестящихъ глазахъ свѣтится порою неземная рѣшимость. Онъ дѣлается все молчаливѣе. Прежде бывало онъ собиралъ на совѣтъ офицеровъ; теперь онъ всегда одинокъ и держится въ сторонѣ. Въ одиночествѣ обсудивъ проектъ сраженія, онъ не высказываетъ своего плана до послѣдней минуты. Тогда ужъ его рѣшенія никто не въ силахъ измѣнить. Послѣ долгаго раздумья онъ вдругъ приказываетъ сниматься: для новой-ли стоянки, для новой-ли вылазки—никто не знаетъ. Деветь не воюетъ; онъ охотится. Его лучшія побѣды—только рукопашныя. Онъ выслѣдитъ добычу, прокрадется къ ней, подползетъ, и выждетъ момента—потомъ по сигналу ружейный залпъ! Настоящаго боя у него никогда не бываетъ. Ничто такъ не разитъ врага, какъ неожиданныя ночныя нападенія, когда темное небо вдругъ разрывается на кровавые лоскуты, хлынетъ дождь пуль, и всюду смерть!.. Неудачи неспособны смутить Девята.

Деларей.

Внѣшностью напоминаетъ стараго мирнаго фермера; такимъ онъ и былъ до войны. Хмурый, худой, плохо одѣтый, медленно шагающій, —этотъ человѣкъ идеальный стратегъ, равно умѣющій создавать планы и выполнять ихъ. Его обликъ показываетъ, что онъ все утратилъ въ жизни, за исключеніемъ непоколебимой рѣшимости биться до конца.

Генераль Бенъ-Вилеонъ, плѣненный Блудомъ при Лейденбергѣ, раньше служилъ—по полиціи; выбранный въ депутаты, онъ сталъ во главѣ Юганнесбурга. Славный малый, душа на-распашку, геркулесъ въ физическомъ отношеніи—настоящій солдатъ-рубака.

Генераль Смутегъ уважаемый, почтенный человѣкъ, бывший депутатъ; умѣло поддерживалъ бодрость въ солдатахъ даже въ самыя тяжелыя минуты. Маленькаго роста, въ узкой курткѣ и высокихъ сапогахъ, онъ скачетъ не хуже жокея. „И если насъ останется всего лишь пять-

десять человѣкъ, мы будемъ драться“, говорить этотъ генераль.

Младшій Смутегъ, однофамилецъ предыдущаго, несмотря на молодость, былъ министромъ юстиціи въ Трансваалѣ. Ростомъ малъ, блондинъ, бритый, сгорбленный онъ глядитъ человѣкомъ болѣзненнымъ. Его можно смѣло принять за студента. Въ свое время онъ блестяще изучалъ права въ Кембриджѣ. А вѣспынула война—за ружье и на коня! Изъ блѣднѣющаго ученаго вышелъ признанный герой.

Вѣрный адъютантъ Деларея, Кемпъ тоже еще молодъ. Опасность электризуетъ его, и токъ передается отъ него къ солдатамъ. Кемпъ часто служитъ при Деветѣ для ночныхъ вылазокъ.

Гробелари—тучный, неповоротливый, темнолицый человѣкъ, съ голосомъ, подобнымъ рыканью льва. Артиллеристъ перваго разряда, онъ отличается отъ своихъ товарищей невозмутимой флегматичностью, которая его никогда не покидаетъ—даже носомъ къ носу съ непріятелемъ.

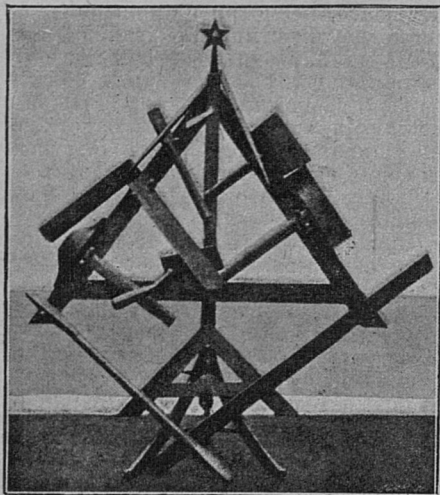
Эразмъ—типъ стараго бура, хитраго, ловкаго и изворотливаго; онъ не любитъ подвергать себя, безъ надобности, смерти, и на ура не пойдетъ, какъ Бота, Деларей или Деветь.

Еще о „цѣлителяхъ во Христѣ“.

Въ засѣданіи берлинской думы, 17 января, обсуждался весьма любопытный случай, который заставляетъ еще разъ возвратиться къ пресловутымъ „эдди-стамъ“ и ихъ новому ученію. Изъ заявленія гласнаго Крейтлинга выяснилось, что директоръ городской реальной гимназіи Шелльбахъ по настояній своей жены, убѣжденной эддикти, предоставилъ гимназическія залы для періодическихъ собораній „цѣлителей“; такимъ образомъ, какъ бы призналъ право эддиктовъ на публичныя сборища, подъ покровительствомъ городскихъ властей. Нечего и говорить, что директору было сдѣлано строгое внушеніе, и позволеніе, данное имъ, отобрано. Но среди думскихъ дебатовъ указывалось, между прочимъ, на то, что послѣдователи „матушки Эдди“ слили себѣ прочное гнѣздо—во-первыхъ, въ аристократическомъ Потсдамѣ, во вторыхъ, въ самой столицѣ—на Flottwell-Strasse, въ видѣ общины, руководимой одной перерѣзкой и пѣсочными еще незрѣлыми дѣвками. Приливъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ больныхъ очень великъ. Для исцѣленія требуется „неизмѣнное благочестіе, чтобы быть осѣненнымъ божественными лучами“. Если больной не выздоравливаетъ, то всегда оказывается, что онъ утаилъ въ себѣ еще тяжкій грѣхъ, препятствующій его общенію съ Богомъ. Лечение безболѣзненно; только при „соединенныхъ“ моленіяхъ эддиктовъ противъ сильныхъ недуговъ пациентъ ощущаетъ иногда боли. Заразительныя болѣзни не существуютъ; лекарства не примѣняются, ибо Спаситель исцѣлялъ безъ нихъ“. Финансовый вопросъ разрѣшается въ зависимости отъ болѣе или менѣе состоятельности больного. Очень полезно для здоровья покупать брошюры эддиктовъ, ихъ молитвенникъ и проч. и проч.

Мы писали уже въ свое время, что въ основѣ всѣхъ манипуляцій „цѣлителей во Христѣ“ лежитъ обыкновенное внушеніе. Усилія печати разоблачить обманъ парализуются тѣмъ, что большинство вѣрующихъ, при неудачномъ леченіи, упорно замалчиваетъ прискорбные результаты его, а при исцѣленіяхъ вопятъ о нихъ чуть-ли не на всѣхъ перекресткахъ. Тѣмъ не менѣе, только за послѣдніе годы въ скорбномъ листѣ эддизма значатся, меж-

Масонскія эмблемы.

ду прочимъ, слѣдующіе случаи, получившіе огласку. „Журналъ нью-іоркскаго медицинскаго общества“ за 1900 годъ сообщаетъ о 13-лѣтней дѣвчкѣ, которая занемогла отъ тифа. Врачи, по совѣсти, не могли поручиться за ея выздоровленіе, хотя надежды на него не теряли; тогда родные устранили ихъ и обратились къ „цѣлителямъ“. Послѣдніе, конечно, отмѣнили всякую діету и лекарства. Въ результатъ была смерть дѣвочки.

Другой медицинскій журналъ сообщаетъ изъ Торонто о процессѣ, въ которомъ отецъ былъ признанъ виновнымъ въ причиненіи смерти дочери; дитя заболѣло дифтеритомъ; вмѣсто врача, отецъ призвалъ эддистовъ; при ихъ содѣйствіи, дѣвочка умерла. Въ другомъ городѣ, восьмилѣтній ребенокъ былъ лечимъ „цѣлителями“ отъ крупы; смерть была приписана пороку сердца, но врачебное вскрытіе показало, что причиной ея была опухоль въ горлѣ, которую легко можно было удалить хирургическимъ способомъ. Въ Денверѣ смертность среди послѣдователей „матюшки Эдди“ такъ велика, что одно страховое общество статистически вычислило, черезъ сколько лѣтъ вымретъ вся община, если власти не примутъ надлежащихъ мѣръ. Надо

упомануть еще о врачѣ изъ Чикаго, который назначилъ премію въ 2,000 рублей тому, кто при помощи „цѣлительной молитвы“ излечитъ какое-либо физическое уродство. Пока еще не слышно о соискателяхъ на премію: неслыхкомъ ли мала сумма или безкорыстіе эддистовъ такъ уже велико?

Берлинъ, въ январѣ 1902 г. Л. А.

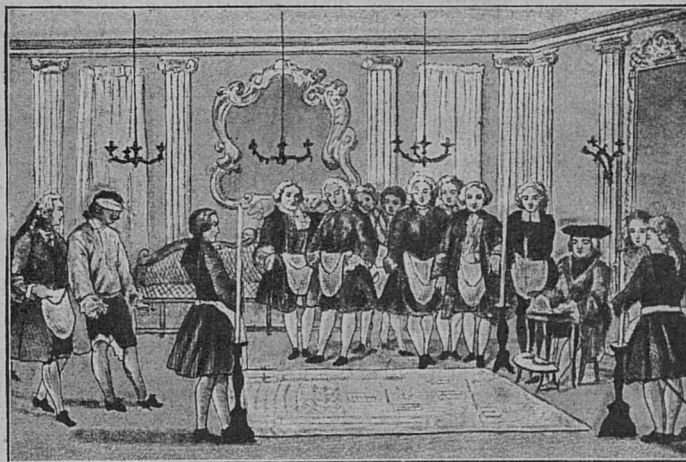

Масоны.

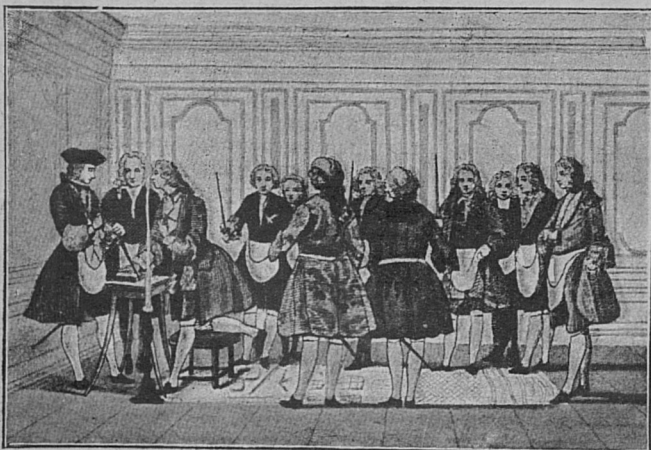
Происхожденіе масонства относится къ XIII вѣку. Оно возникло въ Германіи изъ обществъ камнетесовъ, которые преслѣдовали не только чисто ремесленные цѣли, но и цѣли нравственнаго совершенствованія. Эти общества постепенно утрачивали цехово-ремесленный характеръ и въ XVI вѣкѣ преобразовываются въ чистодуховное учрежденіе. Въ Англіи въ половинѣ XVIII вѣка масонство принимаетъ окончательную форму и космополитическій характеръ. Такъ какъ масоны произошли

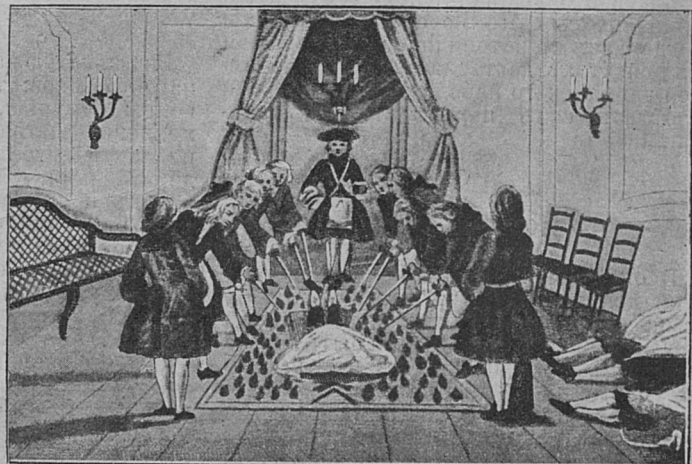
Мечъ гротмейстера.

Избранника съ завязанными глазами вводили въ помѣщеніе ложи.

Избранникъ клялся сохранять въ тайнѣ все происходящее въ засѣданіяхъ ложи.

Избранника клали въ гробъ и направляли на него острія шпага.

Обряды масоновъ при приѣмѣ новаго члена.

Съ гравиръ, хранящихся въ бібліотекѣ ма пажскъ и великой ложи.

отъ обществъ камнетесовъ, то и символы ихъ заимствованы изъ строительнаго искусства. Въ XVIII вѣкѣ масоны отрицательно относились къ французской энци-

Часы Каліостро.

клопедической философіи, отдавали преимущество внушеніямъ чувства предъ измышленіями разума и противопоставляли мистическую вѣру — невѣрію. Цѣлью общества было поставлено нравственное совершенствованіе членовъ общества и индивидовъ на началахъ правды, равенства и братской любви. Каждое братство или ложа представляла закрытое общество, въ члены котораго принимались все совершеннолѣтніе и равноправные граждане, если имя ихъ было

безупречно. Приѣмъ членовъ сопровождался особыми обрядами, которые воспроизведены на нашихъ рисункахъ. По нравственнымъ совершенствамъ члены раздѣлялись на учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ. Во главѣ ложи стоялъ мастеръ стула, ведущій дѣла ложи при помощи выборной или назначенной имъ администраціи. Ложи отдѣльной мѣстности, а иногда и цѣлой страны, составляли великую ложу, т. е. свободный союзъ масонскихъ обществъ, завѣдующій сношеніями съ другими ложами и разрѣшающій недоразумѣнія между ними. Во главѣ великой ложи гротмейстеръ и совѣтъ выборныхъ администраторовъ. Представителями отдѣльныхъ ложъ въ совѣтъ являлись либо ихъ мастера стула, либо выборные уполномоченные.

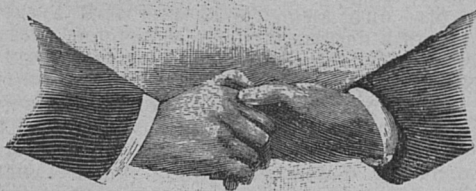
Всѣ члены ложи должны были хранить тайну засѣданій и были связаны между собой обѣтомъ взаимной помощи по первому требованію. Масоны узнавали другъ друга по особымъ знакамъ и прежде всего по рукопожатію.

Масонство было развито особенно въ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Въ то время были масонскія ложи и въ Россіи, теперь же онѣ существуютъ только въ Западной Европѣ, и между прочимъ, во Франціи числится 3 великія ложи.

Одна изъ этихъ великихъ ложъ помѣщалась въ домѣ на улицѣ Каде въ Парижѣ. Этотъ домъ будетъ сломанъ за ветхостью, такъ какъ былъ построенъ два столѣтія назадъ. Въ этомъ домѣ помѣщались ихъ музеи; въ немъ перебивали люди съ самыми громкими именами и даже монархи—Людовикъ XVI, Людовикъ XVIII и Карлъ X. Жозефъ Бонапартъ, король испанскій на часъ, былъ старшимъ мастеромъ, въ эпоху первой имперіи. Впослѣдствіи этотъ титулъ вышелъ изъ употребленія; его замѣнило званіе предсѣдателя верховнаго совѣта.

Въ музей сохранилось по сію пору не

ветхаго дома происходили блѣдныя бѣнія, т. е. такія, къ которымъ допускались и непосвященные. Тамъ же иногда совершались брачныя обряды—скрещеніе шпагъ надъ головами молодыхъ и преломленіе стекла въ знакъ нерасторжимости узъ. Все это отошло теперь въ область исторіи. Масоны стремятся свести всѣ обрядности чуть-ли не къ полной ихъ отмѣнѣ. Условные знаки давно потеряли свою таинственность; но въ смыслѣ историческомъ, они всегда интересны въ особенности въ настоящее время.

Масонское рукопожатіе.

Знакъ учениковъ.

Знакъ подмастерьевъ.

Масонъ, просящій помощи у сочленовъ.

Условные знаки масоновъ.

мало интересныхъ вещей: хоругви каменщиковъ, между прочимъ и ложи Бонапарта, историческія шпаги, въ томъ числѣ шпага Филиппа Эгалитѣ, съ лиліями и масонскими эмблемами на рукоятки. На шелковыхъ обояхъ нарисованы картины, изображающія собранія вольныхъ каменщиковъ и различные ихъ обряды. Тутъ же хранятся и часы Каліостро въ причудливомъ деревянномъ футлярѣ, того чудодѣя Каліостро, который предсказалъ Маріи-Антуанеттѣ ея роковую судьбу, показавъ ей въ графинѣ воды окровавленную человѣческую голову. Въ большихъ залахъ

мало, такъ богатое мемуарной литературой, разоблачившей, что въ таинственности была интересной одна лишь ея таинственность...

Монархи, въ качествѣ танцоровъ.

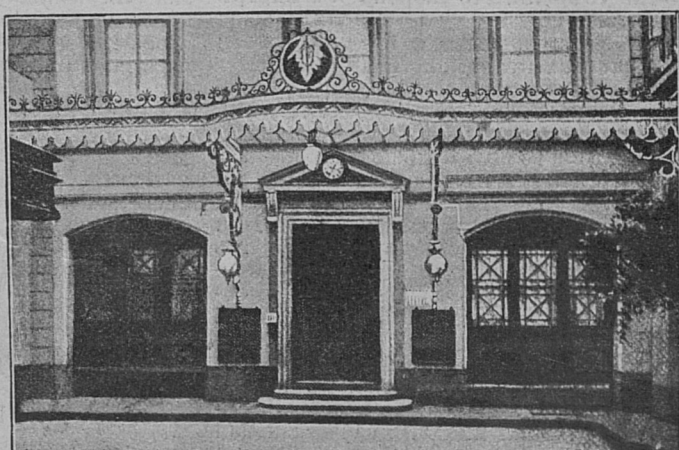
Веселые или меланхолическіе звуки вальса, лихой мотивъ мазурки и степенный ритмъ кадрили одинаково плѣняютъ простыхъ смертныхъ и сильныхъ міра сего. Въ королевскихъ дворцахъ также любятъ повеселиться, помолодѣть, по-

послѣ обѣда, нежели выдѣлывать ногами замысловатыя фигуры, а потому онъ долженъ былъ уступить первенство своей молодой супругѣ, преодолевшей всѣ трудности новаго танца.

Нѣмецкіе дворы не уступали Франціи по веселости и охотѣ къ танцамъ, особенно вѣнскій. Кронпринцъ Рудольфъ, такъ трагически кончившій жизнь, считался однимъ изъ лучшихъ танцоровъ въ Вѣнѣ, а это непростая похвала:—на берегахъ Дуная хореографія стоитъ очень высоко. Мать кронпринца—покойная Елисавета, вѣроятно, передала по наслѣдству этотъ талантъ: сама она казалась

Заль торжественныхъ засѣданій масонской великой ложи въ Парижѣ.

фасадъ масонской великой ложи въ Парижѣ, улица Каде.

плѣнительной, въ танцахъ тѣмъ болѣе, что сложена была она на рѣдкость.

Вторая супруга брата императора, королева Людвигъ, — эрцгерцогиня Марія-Терезія и теперь еще восхищается дворъ своей сохранившейся красотой и танцевальнымъ искусствомъ. Во время вальса внучка Франца-Иосифа потеряла свое сердце: его нашелъ, какъ извѣстно, принцъ Отто Виндиггрецъ.

Даже суровый корсиканецъ, намѣреваясь вступить въ бракъ съ Маріей-Луизой, понималъ, какое важное значеніе для семейнаго счастья имѣютъ танцы, и самоотверженно предается изученію ихъ. Королева Гортензія, жена Людовика Бонапарта, и племянница императора, принцесса Стефанія, руководили героемъ Аустерлицъ въ фигурахъ кадрили. „Прежде всего вашему величеству необходимо выучиться вальсу“ — утверждала принцесса. „Нѣмки безъ ума отъ вальса, и императрица, наѣрное, раздѣляетъ вкусъ своихъ соотечественницъ; такъ какъ она можетъ танцевать только съ вашимъ величествомъ, то ей придется отказаться отъ любимого развлечения“. — „Честное слово, вы правы, Стефанія, — отвѣчалъ Наполеонъ, — конечно, я долженъ выучиться вальсировать, вы могли бы ежедневно заниматься со мной по часу. Начнемъ-ка, не откладывая; взгляните, какъ я справлюсь съ этимъ“. Увы! всѣ старанія усвоить плавное па вѣнскаго вальса были напрасны; Бонапартъ никогда не преодолѣлъ этой трудности.

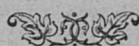
На порогѣ XVIII и XIX столѣтій королева Луиза прусская съ увлеченіемъ танцевала аллеманду и экосезъ. Нельзя не удивляться тому, что танецъ, требующій столь большой затраты физическихъ силъ, какъ экосезъ, могъ прийтись въ изнѣженной придворной сферѣ. Аллеманда — уроженка Эльзаса, а Людовикъ XIV, занявшій съ своимъ войскомъ Страсбургъ, былъ восхищенъ этимъ новымъ для французовъ образомъ хореографическаго искусства, и перенесъ его въ Версаль; деревенскую пляску украсили соответственными вычурными ужимками, и, въ угоду королю, вертѣлись, сломя голову. Самъ король былъ неутомимъ въ танцахъ. Аллеманда не скоро утратила свое значеніе: даже на балахъ Жозефины Богарнэ ее еще отплясывали съ увлеченіемъ.

Нынѣ танцы носятъ строго нравственный и чинный характеръ. Не всегда было такъ. Анна Австрійская, на примѣръ, предпочитала всѣмъ другимъ танцамъ сарабанду, и подъ ея бышлые звуки, подъ шелканье кастаньетъ, плясала съ первымъ министромъ и фаворитомъ своимъ Ришелье, забывъ всѣ тягости государственныхъ заботъ.

Елизавета Ангійская питала слабость къ итальянскому „пассамецо“, и злые языки увѣряли, что „короны и скипетръ порхали“, когда королева занята была неистовыми прыжками, предписанными итальянскими танцмейстерами.

Что касается нашего солиднаго, и скучнаго времени, то и теперь танцы при дворахъ занимаютъ видное мѣсто. Императоръ Вильгельмъ больше всего любитъ менуетъ; по его инициативѣ возродился менуетъ de la reine, неизмѣнно включаемый въ программу придворныхъ баловъ. При шведскомъ и португальскомъ дворахъ преобладаетъ кадрили. Эдуардъ VII считается однимъ изъ лучшихъ современныхъ вальсеровъ, по крайней мѣрѣ, былъ имъ въ молодости. Несмотря на то, что классическій вальсъ требуетъ медленнаго волнообразнаго темпа, въ иныхъ странахъ его танцуютъ съ необыкновенной быстротой. Императрица германская Августа не терпѣла медленнаго вальса; съ тѣхъ поръ при дворѣ, подъ мелодіи Штрауса, мчатся чуть ли не галопомъ. Покойный Миланъ Обреновичъ любилъ и умѣлъ вальсировать. Напротивъ, Гум-

бертъ не былъ охотникомъ до танцевъ. Объ императорѣ Францѣ-Иосифѣ и короляхъ Дании, Бельгій и Саксоніи нечего и упоминать; ихъ возрастъ исключаетъ столь легкомысленное времяпрепровожденіе, какъ танцы.

Возвращеніе Свенъ-Гедина.

Судя по послѣднему письму неутомимаго путешественника къ шведскому королю Оскару, Свенъ-Гединъ скоро воротится на родину. Съ небольшимъ отрядомъ онъ вышелъ 17 мая изъ Тусаркиа и направился къ сѣверной части Тибетскаго плоскогорья. У озера Кгетъ-Кель онъ встрѣтилъ оставленный имъ тамъ караванъ изъ 30 человѣкъ, 39 верблюдовъ, 30 лошадей и 75 ослей. Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ (до 30 град. по Р.) большая часть животныхъ пала. Иныя были похищены разбойниками, въ окрестностяхъ Лассы. Много пришлось потерпѣть отъ дождей, выпадавшихъ по нѣсколькимъ дней подрядъ. Послѣ девятидневнаго перехода экспедиція встрѣтила трехъ высшихъ чиновниковъ, воспретившихъ Гедину именемъ правительства дальнѣйшее путешествіе по странѣ. Впрочемъ, они вели себя дружелюбно и безвозмездно ссудили Свенъ-Гедину провiantомъ. Около сорока вооруженныхъ съ ногъ до головы солдатъ окружили лагерь и заставили путешественниковъ ожидать въ теченіе пяти дней прибытія главнаго правителя. Наконецъ, тотъ прибылъ, со свитой изъ 67 офицеровъ. Черезъ переводчика Гединъ получилъ приглашеніе къ обѣду, но отклонилъ его. Затѣмъ, путешественникамъ было заявлено, что они не смѣютъ сдѣлать къ Лассѣ ни одного шага. Для обратнаго путешествія ласекія власти предложили Свенъ-Гедину эскортъ изъ трехъ офицеровъ и двадцати всадниковъ. 20 августа Гединъ возвратился на свою штабъ-квартиру. Послѣ недолгаго отдыха онъ вновь предпринялъ движеніе къ западу, и скоро наткнулся на многочисленный отрядъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ, намѣревавшихся задержать экспедицію. Когда имъ выяснили, что сорокъ человѣкъ изъ нихъ падутъ подъ выстрѣлами винтовокъ раньше, чѣмъ они успѣютъ зарядить свои старинныя ружья, тибетцы смѣнили гнѣвъ на милость и рѣшили сопровождать Свенъ-Гедина. Но немногие изъ нихъ дошли до границы Ладакхъ, гдѣ европейцевъ встрѣтилъ караванъ, снаряженный вице-королемъ Индіи. Только къ Рождеству Свенъ-Гединъ очутился среди культурныхъ людей; отсюда онъ послалъ первую телеграмму королю Оскару. Большую часть багажа онъ принужденъ былъ сдать на храненіе русскимъ властямъ, которые оказали экспедиціи энергичную поддержку. Научные результаты экспедиціи, по словамъ отважнаго путешественника, весьма значительны; кромѣ картографическихъ съемокъ доселѣ невѣдомыхъ областей, сдѣланы очень цѣнныя натуралистическія пріобрѣтенія. Гединъ прошелъ почти тысячу шведскихъ миль, изъ нихъ 900 — по пути, на которомъ не ступала нога европейца. Вице-король Индіи пригласилъ Свенъ-Гедина въ Калькутту. Въ скоромъ времени экспедиція двинется обратно на родину.

Народный домъ въ Калязинѣ.

(Къ рис. на стр. 33).

Заброшенный, заглохшій городъ Калязинъ понемногу оживаетъ, благодаря благотворительному обществу „Доброхотной копейки“, основанному два года тому назадъ. Мысль объ устройствѣ этого обще-

ства возникла лѣтъ 15 тому назадъ умѣстнаго доктора Б. Лесневскаго, который выработалъ уставъ и выхлопоталъ утвержденіе его, но скорѣй умеръ. Идея его не была поддержана обществомъ, и уставъ лежалъ подъ сукномъ въ продолженіе 15 лѣтъ. Два года тому назадъ его раздобылъ іеромонахъ Макарьевскаго монастыря въ Калязинѣ, собравъ въ нѣсколько дней по подпискѣ около 2 тысячъ рублей (громадная сумма для маленькаго города въ 7 тысячъ жителей), далъ начало этому полезному учрежденію. Городъ Калязинъ давно уже находится въ особенныхъ исключительныхъ условіяхъ широкой благотворительности, благодаря филантропу извѣстному богачу Полежаеву, который имѣетъ въ Калязинѣ дома. Старикъ уже умеръ, и молодые Полежаевы исполняютъ безпрекословно волю родителя, выдавая на годовые проценты изъ капитала 50,000 пайки ежемѣсячные для бѣдныхъ города, состоящіе изъ провизіи: муки, крупы и по праздникамъ мяса. Эти пайки даются уже много лѣтъ, но особеннаго контроля нѣтъ — поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что есть много бѣдныхъ, которымъ пайки не попадаютъ. Общество „Доброхотной копейки“ имѣетъ въ виду сгладить эти шероховатости и, разузнавъ настоящихъ бѣдняковъ, помогать имъ, по мѣрѣ возможности, и обратить особенное вниманіе на дѣтей и искоренить пьянство. Три года дѣятельности этого общества дали уже очень многое. На 25 двѣточекъ устроена мастерская бѣлошвейная, на 30 человѣкъ нищихъ даровая столовая. Общество имѣетъ свой домъ и большой садъ съ огородомъ. Прошлой весной въ саду построены еще домъ для народныхъ чтеній со сценой для театра, и на праздникахъ въ этомъ помѣщеніи устраивали спектакль и аллегри. Пріятно было видѣть, какъ общая идея соединила и богатаго купца, и бѣднаго чиновника, интеллигента, и бѣднаго мѣщанина, какъ всѣ дружно работали за декорацией зала и установкой сцены. Народныя чтенія привлекаютъ такую массу народа, что приходится отказывать въ билетахъ.

А. Л.

Скрытые милліоны.

Въ теченіе четырехъ столѣтій, истекшихъ со дня открытія Америки, золота добыто приблизительно на сумму 15 милліардовъ руб., и значительная часть его была отправлена въ Индію, гдѣ, должно быть, сохранилась и по сей день.

Эти деньги, вѣроятно, снова были возвращены землѣ. Но найти теперь мѣсто, гдѣ онѣ зарыты, — вещь совершенно немыслимая. Статистика показываетъ, что съ 1837 по 1898 г. золота туда было ввезено на милліардъ больше, чѣмъ вывезено. За этотъ періодъ времени золото вовсе не поднялось такъ высоко въ цѣнѣ, и никто изъ правительствующихъ лицъ не можетъ указать на частнаго владѣльца этихъ несмѣтныхъ богатствъ. Одно остается предположить, что все это золото зарыто въ землю. Этотъ обычай издревле практиковался въ Индіи, и по сію пору еще практикуется. А потому можно себя представить, какія сокровища лежатъ въ нѣдрахъ земли въ Индіи мертвымъ капиталомъ.

О происхожденіи этого страннаго обычая индійцевъ зарывать въ землю все, что они имѣютъ самаго цѣннаго, и о причинѣ его, нужно искать объясненія въ исторіи завоеваній англичанъ. Почувствовавъ себя „господами“ въ Индіи, они немедленно же дали это почувствовать и туземцамъ. Испытавъ на себѣ всю тяжесть стремленій и посягательствъ англичанъ, индійцы испугались и принялись зарывать въ землю свои сокровища. Не такъ давно зондскій Михарадшахъ

настоятельно, упорно упрашивалъ, чтобы англичане вернули ему укрѣпленіе „Паліоръ“. Англичанъ немало удивила горячность просьбы англійскаго принца, — отчего онъ такъ страстно требовалъ возвращенія этой крѣпости? Они знали, что никакія священные традиціи не придають ей особаго значенія, могущаго зажечь индійскія сердца. Такъ что же побуждало принца?.. Недоумѣвающіе англичане, однако, сдались на просьбы Михарадшаха, и крѣпость была отдана.

Только впоследствии дошло до свѣдѣнія англичанъ, что въ этомъ самомъ замкѣ принцъ закопалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ 400 мил. руб. Только тогда имъ стало понятно, почему набобъ такъ ихъ упрашивалъ. Англичане съ тѣхъ поръ обращаютъ особенное вниманіе на давнишній обычай индійцевъ зарывать свои сокровища. Они навели въ этомъ отношеніи справки, и имъ удалось узнать, что уроженцы президентства Бомбея, въ общемъ, схоронили въ землю, по меньшей мѣрѣ, 80 мил. руб. Священники индійскіе не отстаютъ отъ паствы и припрятываютъ деньги въ храмахъ, въ специально приспособленныхъ для этого сокровищницахъ, мѣсто которыхъ только имъ однимъ извѣстно.

Нѣкоторые размышленія о телефонѣ.

Замѣчательное дѣйствіе производитъ на людей телефонъ. Онъ кажется только для того и созданъ, чтобы до максимума раздражать наши уже и такъ развинченные нервы и развивать наше нетерпѣніе до геркулесовыхъ, что называется, столповъ. Какъ часто приходится безмысленнѣйшимъ образомъ топтаться у глухого аппарата и ждать, ждать, ждать безъ конца, пока не соединишь васъ съ желаннымъ номеромъ. На всѣ ваши возраженія и жалобы вы получаете сухой и краткій изъ станціи отвѣтъ: „подождите—занято!“. „Подождите!“—легко это имъ тамъ говорить, и вы невольно чувствуете, какъ сначала медленно, медленно и потомъ все быстрѣе и быстрѣе подкрадывается къ вамъ приступъ неудержимаго гнѣва, хочется разбить этотъ противный глухой ящикъ, хочется раскричаться, разругать во всю незримыхъ вр. говъ. Такое раздраженіе очень часто одолеваетъ у телефона даже самыхъ воспитанныхъ, сдержанныхъ въ общекитіи людей. Это точно болѣзнь кака-то, лихорадка, пароксизмъ которой затѣмняетъ людямъ мозгъ и ослабляетъ временно волю. Всѣ, вѣроятно, еще помнятъ того испанца въ Гамбургѣ, который такъ разгнѣвался, разошелся, стоя у телефона, что не нашелъ ничего лучшаго, какъ выстрѣлить изъ своего револьвера въ аппаратъ, въ ничѣмъ неповинный ящикъ. И еще какое счастье для человечества, что на центральной станціи засѣдаютъ не мужчины, а дамы. Онѣ зачастую смягчаютъ, уговариваютъ расхоронившихся во-всю кліентовъ, проявляютъ по отношенію къ нимъ невѣроятное терпѣніе, неисчерпаемую снисходительность. Что бы это было, если бы часто несправедливое раздраженіе, часто ни на чемъ неоснованные упреки и оскорбленія публики направлялись бы на служащихъ мужескаго пола... Трагикомическіе инциденты зачастую бы оканчивались ссорой, дракой, и пожалуй, и кровопролитіемъ. Въ Америкѣ, напримеръ, въ Чикаго, телефонная администрація оказалась еще сообразительнѣе, еще остроумнѣе. Она установила извѣстныя правила для приема служащихъ въ свои конторы дамъ. Кандидатки обязаны предварительно пройти полный курсъ развитія голосовыхъ средствъ. Въ телефонныя бюро принимаютъ лишь служащихъ съ глубокимъ, сочнымъ, вполне

развитымъ голосомъ, и съ хорошо вырабатанной, ясной, отчетливой дикціей. Только удовлетворивъ въ этомъ отношеніи дирекцію, онѣ попадаютъ на хорошо оплачиваемыя мѣста бюро. Но это еще не все, этимъ искусъ еще не кончается. Отъ кандидатокъ еще требуется полное обладаніе собой. Онѣ должны быть всегда вѣжливыми, терпѣливыми, предупредительными съ публикой, а на отборнѣйшія и грубѣйшія ругательства — отвѣчать... отвѣчать лишь ангельской, нѣжно-пѣвучей добротой...

Замѣчательная, чисто-американская система воспитанія. Какія все чудныя женщины должны тамъ засѣдать у телефоновъ и какія должны выходить изъ нихъ рѣдкія, примѣрныя жены... Телефонное бюро, въ сущности, не что иное, какъ приготовительная школа для невѣстъ, и чикагскіе молодые люди, были бы они достаточно разумны и догадливы, должны были бы жениться исключительно на этихъ ангелахъ, то бишь, телефонисткахъ...

МОНАРХЪ-АНЕКДОТИСТЪ.

Едва ли многимъ извѣстно, что императоръ Вильгельмъ очень талантливый рассказчикъ еврейскихъ анекдотовъ. Въ офицерскомъ клубѣ, гдѣ императоръ частый гость, хорошо знаютъ эту слабость Вильгельма. Послѣ ужина, къ величайшему удовольствію офицеровъ, онъ рассказываетъ нѣсколько анекдотовъ; изъ нихъ иные сильно приправлены аттической солью. Конечно, нужно время отъ времени обновлять запасъ; въ этомъ отношеніи прусскіе министры очень усердны; покойный министръ юстиціи, Фридбергъ, какъ говорятъ, снискалъ особенное расположеніе императора своими обширными познаніями въ области анекдотовъ. Министръ же, въ свою очередь, очерпаетъ матеріалъ у одного берлинскаго оффиціознаго журналиста, еврейскаго происхожденія, челоѣка близкаго къ Крупну, Подбѣльскому и вообще ко двору Вильгельма II. Неудивительно, что при такихъ благоприятныхъ условіяхъ императоръ сумѣетъ превзойти любого профессиональнаго рассказчика еврейскихъ анекдотовъ.

СРОДСТВО КРОВИ.

Естественнспытателю Фришу удалось произвести изслѣдованіе роговой оболочки, именно той ея части, которая носитъ названіе *Fovea centralis*, и установить въ ней такіе признаки, которые свойственны только той, а не иной расѣ людей. Другими словами, *Fovea centralis* можетъ служить показателемъ расовой разнovidности. Характерныя формы названной части роговой оболочки тройки: первая наблюдается у обезьянъ, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы; вторая — свойственна южанамъ; третья — съ удивительнымъ постоянствомъ констатируется у египтянъ, т. е. у арабско-египетской расы, къ которой принадлежитъ преобладающее большинство населенія средняго и верхняго Египта. Форма четвертая характеризуетъ европейскую расу. Не трудно представить себѣ все значеніе этой классификаціи для антропологии. — Заговоривъ объ изслѣдованіи роговой оболочки, нельзя ужъ пройти молчаніемъ и новѣйшихъ опытовъ съ лучами Беккереля, этимъ новымъ чудодѣйственнымъ элементомъ. Было обращено вниманіе на то, что кусокъ радіума, обернутый въ нечувствительную къ свѣту бумагу, и положенный на глазъ, производитъ такой эффектъ, какъ будто весь глазъ полонъ слабымъ свѣта. Дальнѣйшіе опыты, предпринятые на этомъ основаніи, были обставлены слѣдующими условіями. Препараты

радіума были заключены въ металлическій ящикъ съ небольшимъ отверстіемъ въ крышкѣ; отверстіе заклеено черной фотографической бумагой, сложенной вдвое. На бумагу клали отдѣльныя части глаза собаки, кошки и лягушки. Въ темной комнатѣ оченъ ясно видны всѣ части — роговая оболочка, сѣтчатка, хрусталикъ — начинается флуоресцировать — явленіе, несомнѣнно вызванное свѣтовыми впечатлѣніями. И такъ какъ лучи Беккереля проникаютъ сквозь непроницаемая для обыкновеннаго свѣта сферы, то есть основаніе утверждать, что слѣпымъ, недугъ которыхъ заключается въ мутности роговой оболочки или хрусталика, несмотря на это, доступны свѣтовыя ощущенія при посредствѣ беккерелевскихъ лучей. По крайней мѣрѣ, опыты въ такомъ направленіи дали вполне удовлетворительные результаты. Свѣтъ возсіялъ для слѣпыхъ — похоже на сказку. Но если даже и не полный свѣтъ, а только слабый отвѣтъ, то и въ этомъ уже источникъ счастья для обездоленныхъ слѣпцовъ.

ПОЛИВКА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОЛОТНА.

Нѣтъ ничего докучнѣе дорожной пыли; на шоссе она преслѣдуетъ путника, отравляя его спокойствіе; и въ поѣздѣ она проникаетъ черезъ всѣ щели вагона, забирается въ легкія, въ носъ, въ уши. Она не только непріятна, но и вредна здоровью; не только вредна пассажиру, но и убыточна для дороги, потому что портитъ подвижной составъ, содѣйствуетъ накопленію грязи, размытію полотна и пр. Американцы додумались — поливать пути: конечно, не водой, а нефтью. Эта выдумка, повидимому, даетъ очень хорошіе результаты.

Для поливки приспособленъ особый поѣздъ изъ локомотива, вагона съ нефтью и другаго, соединеннаго съ первыми трубами; послѣдній вагонъ и служитъ собственно для поливанья. Нефть употребляется высшаго сорта съ чрезвычайно высокими градусомъ вспышки; она почти безъ запаха. На километр (немного менѣе версты) нужно въ первый разъ около пяти тысячъ литровъ, что стоитъ въ Америкѣ 20 — 27 долларовъ; впоследствии издержки значительно сокращаются и ограничиваются среднимъ числомъ десятию долларами на километръ въ годъ. Не надо забыть и того, что расходы по поливкѣ нефтью совершенно окупаются экономіей на ремонтѣ путей. Какъ сказано выше, нефть предупреждаетъ накопленіе грязи, снѣговые размыты и уменьшаетъ вредное вліяніе морозовъ на состояніе путей.

ПОЧТОВАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ У АССИРІАНЪ.

За семь вѣковъ до нашей эры въ Ассиріи писали очень много писемъ. Такъ какъ грамотность была удѣломъ весьма немногихъ, то большинство обращалось къ писцамъ. Потому эти письма, или вѣрнѣе, таблицы, довѣрялись надежному посыльному; онѣ были тяжелы и велики. При раскопкахъ въ Коюнджинѣ, близъ Ниневіи, найдено очень много такихъ писемъ въ обложкахъ.

Правительственная корреспонденція была очень обширна. Цари писали обо всемъ, даже о пробѣжавшей по городу лисицѣ: „дарю, моему повелителю, твой слуга Набуа. Да благословитъ меня, о господинъ, богъ Набуа и богъ Мардукъ. Въ седьмой день мѣсяца Кислатъ въ городъ вбѣжала лиса, въ виноградникъ бога Ашура. Она свалилась въ колодезь; ее вытащили и убили“. Отсюда явствуетъ, что государи были хорошо освѣдомлены о дѣлахъ своей страны. Въ другихъ письмахъ сообщаются новости о сборахъ жатвы, извѣстія съ границы. Иные цари,

Внучка австрийского императора, единственная дочь кронпринца Рудольфа эрцгерцогиня Елизавета Марія и князь Отто Виндишгрецъ, бракосочетавшіеся въ придворной церкви въ Вѣнѣ 10 (23) января.

ловъ нѣтъ, и потому они запрашиваютъ, что имъ дѣлать съ виномъ. Послѣ одной процессіи, жрецъ посылаетъ царю такое успокоительное письмо: „вчера богъ Ашуръ и богиня Белитъ, при благоприятныхъ знаменіяхъ, вышли и возвратились. Всѣ боги выходили съ богомъ Ашуромъ и всѣхъ затѣмъ водворили въ ихъ храмы. Царь, мой господинъ, будь счастливъ“. Но лучше всего письмо врача. Тутъ, оче-

Русскій посолъ при берлинскомъ дворѣ, графъ Н. Д. Остенъ-Сакенъ.

Съ фотографіи, снятой въ день его 50-лѣтняго юбилея.

Монастырь апостола Павла на Аѳонѣ, сгорѣвшій въ ночь на 11 января

какъ Асурбаникалъ, суровыми мѣрами поддерживали дисциплину. Одинъ чиновникъ запоздалъ окончаніемъ работъ; его высѣкли; другому, за превышеніе власти, пригрозили „вырывать языкъ“. Найдены и разобраны письма, въ которыхъ подданные жалуются на обремененіе податями, несправедливость, грабежи. Придворные изощряются въ лести, чтобы добиться желаннаго мѣста или награды.

Такъ, нѣкій льстецъ рисуетъ такую идиллическую картину царствованія: „Богъ Шмашъ и богъ Ададъ бросили благосклонные взоры на страну моего повелителя и предназначили ему безмятежно счастливое царствованіе, радостную жизнь, блаженство годовъ, обильные дожди, богатые урожаи. Боги благосклонны, богопочитаніе велико, храмы полны... Юноши танцуютъ, жены поютъ. Молодые дѣвушки радостно учатся женскому труду и дарятъ миру мальчиковъ и дѣвочекъ. Поколѣніе счастливо. Тотъ, кто за вину осужденъ на смерть, милостью царя, моего повелителя, остается въ живыхъ. Ты даруешь свободу многолѣтнему узнику; жизнь безнадежно больному; кормишь голодныхъ, утѣшаешь угнетенныхъ“... Можно подумать, что это герцогъ Сентъ-Анъ пишетъ Людовику XIV.

Изъ ассирійскихъ писемъ рисуется быть воинственнымъ и благочестиваго народа; монархія то деспотичная, то милостивая, управление сильно централизованное. Порою наивность писемъ непостижима. Интенданты, напримѣръ, сообщаютъ царю, что сборъ винограда хорошъ, но подва-

Новое зданіе Спб. женской гимназіи Е. И. В. принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской,

торжественно открытой въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, 15 января 1902 г.

Со снимка спеціального фотографа-корреспондента, автотипія „Виржевыхъ Вѣдомостей“.